

Геннадий КАНЕВСКИЙ

Геннадий Каневский родился (1965) и живет в Москве. Закончил Московский институт радиотехники, электроники и автоматики. Публиковался в журналах «Знамя», «Октябрь», «Воздух», «Новый мир», «Новый берег» и мн. др. Автор восьми книг поэзии, вышедших в издательствах Санкт-Петербурга, Москвы, Киева и Нью-Йорка. Стихи переводились на английский, шведский, итальянский, венгерский, украинский и удмуртский языки. Лауреат премии «Московский наблюдатель» за заметки о литературной жизни (2013), премии журнала «Октябрь» (2015), спецпремии «Московский счет» за книгу «Сеанс» (2016). В «Волге» публикуется с 2009 года.

ПУСТЬ ТЕЧЕТ

j.k.

геотег сообщает «город серебряный бор».
это побратим твоего города в., здесь такие же
туманы и морось, много воды внутри и снаружи,
но вместо брусчатки и ратуши – глухие заборы,
за которыми дачи чиновников первого класса,
ванов с пятью платиновыми шариками,
железами из бамбука и стержнями из нефрита.
я по инерции набираю твое имя,
набираю твой адрес, пишу «построить маршрут».
долго скрипят латунные шестерни,
поворачиваются костяные шпыньки, открываются клапаны,
и на серебряной табличке медными литерами
возникает надпись на древлепольском,
расшифровываемая мною с трудом примерно так:
«утренний дилижанс нерегулярным рейсом,
обязательны два пакетика протоплазмы,
медленные клятвы из лучшего твида,
полное сердце репейника и сорок,
десять крапивных рубах, пять пар башмаков железных,
дырчатые очки от встречного света,
кто говорит? – это новый путеводитель,
сколько платить? – ассигнации за обшлагами,
и не спеши, ведь этот путь навсегда».

С.Н.Г.

всю зиму не давали снега –
для свежих мёртвых берегли
на праздник запирали небо
чтоб не гремело от земли
сквозь щели нежно и ненужно
под лепетание госслужбы

и преткновенье языка
просачивалась музыка
а утром за сквозняк обычный
как за конфету холодок
досмотр вчиняли пограничный
на весь уездный городок
и заменителем гламура
на мир поглядывая хмуро
шёл жёлтый месяц наверху
лимонной долькой – к коньяку

«а это, – сказал он, – поклонник моей жены».
я повернулся и, стараясь сохранить достоинство
и обнулить унижение, вышел из зала.
но потом так и шло, стоило лишь появиться
где-нибудь, кто-то всегда произносил
что-либо, подчёркивавшее «не наш
и ни на что претендовать не может».
и я взглянул на свою жизнь: она
всегда давала ясно понять – моё
существование случайно, вот это, задуманное
мною месяц назад, лучше бы сделал вон тот,
эта предназначена вон тому –
все уже поняли, ты лишь, дурак, не понял,
не смотри, не жди, не лови на каждом углу
гипотетические секретные знаки.
помнишь, в двадцатые модные два беллетриста,
трикстеры, писавшие вместе, русские братья гонкуры,
утверждали, что есть два параллельных мира:
в первом всюду грохочут великие стройки,
делают открытия, сочиняют романы,
во втором придумывают танец кекуок,
новую форму галстука, чёртика «уйди-уйди».
но есть ещё третий – мир несуществования,
глухие окольные тропы, серая мгла,
вогнутая внутрь себя слепая воронка,
схлопыванье вселенной, минус-приём.

свет открывает глаза и видит тьму
двери не отворяются никому
день утекает маслом ко дну воронки
премия всем работникам оборонки
выдана кровью
всё идёт по уму

или ты не желаешь томиться зря

ждать появления первого снегиря?
он не появится нынче зима без снега
даром к печоре приведена онага
лишние воды коротко говоря

тихие годы вот и поёт кларнет
миру что правых и виноватых нет
мир замирает шепчет ему внимая
это из всех инструментов нашего края
самый всепобеждающий инструмент

будет долгой и тёмной грядущая ночь искусств.
старенькие искусства, глуховатые, с палочками, в морщинах,
суеются, бегают по полуразрушенным
музеям, театрам и библиотекам,
пытаясь расспрашивать, как всё это было,
как проходили ночь музеев, ночь театра, библиотечная ночь.
утешают себя: «ну вот же, не всё разрушено,
кое-что сохранилось, есть описи фондов,
ставят пока что фонвизина и островского...»
по сторонам не глядят, не обращают внимания
на яркие вывески в стиле третьей империи –
«ночь длинных ножей» – на хозяйственном магазине,
«хрустальная ночь» – на магазине посуды,
«ночь безоблачного неба над всей страной» –
над конструктивистским зданием гидрометцентра.
все эти ночи пройдут, и тогда настанет
dolce vita nuova, где будут запрещены
следующие организации, приравненные к террористическим:
союз писателей, союз художников, союз композиторов,
союз театральных деятелей, союз архитекторов.
(союз журналистов пока оставят – они поклянутся
на правительственной газете ни в чём не участвовать).
и фрилансерам будет дано задание –
маникюрными ножницами вырезать всю эту нечисть
с групповых фотографий прошедших лет.

набив соломой тело, через рот
дыхательные вставили таблички,
и вот готов и на ладье плывет –
на утренней похмельной электричке
народа, как всегда, невпроворот,
трясись, солоноватый чай глотай,
но помни темный остров голодай,
могилу пятерых. подобен снегу,
чернеющему с мартовской зарёй,

твой чёрный рот. так окулись с разбегу
в чужую речь. утопнуть не даёт

она душе.

рогатой головой из-за угла
я чуть кивну, явившись в пересменок.
я, как и ты, работать не люблю.
и смейся осторожней, чтобы швы
не разъезжались. мастер бритвы правил
и кисти заострял не для того
а кто там амулеты переставил
и заслонил тебе обратный путь –
ты, может быть, и помнил, но забудь.

так безопасней.

среди наших людей были люди с могучими затылками
по этому признаку их часто принимали за ненаших
если бы они ещё были покрыты шерстью
в ней терялся бы свет и они поглощали бы свет

мы нашили на левых рукавах их накидок
различимые издали кокарды цветов нашего флага
но всё-таки затылки вводили наших стрелков в заблуждение
и к сожалению некоторые погибли от своих же пуль

они не были покрыты шерстью и свет не знал где теряться
свет этой земли живой это наш общий домашний питомец
каждый вечер он умирает и ему обязательно надо скрыться
в неудобья и пустоши подальше от наших глаз

сначала наши колонизаторы и первопроходцы этого не понимали
играли со светом запускали пальцы в мерцающие волны
задерживали свет не давали ему уйти
нарушали естественный порядок вещей

сбивались ритмы ломались машины перемещения
сама альфа-материя переставала выполнять свою работу
пока главный не прикрикнул хреновы исусы навины –
впрочем вы не в курсе – что вы вообразили о себе

и с тех пор мы уяснили как бы мы ни продвигались
как бы ни обживали время ни заполняли пространство
мы обязательно должны оставлять за собой
неудобья и пустоши точки сгущения пустоты

дайте покой напряжённым членам прикройте глаза плёнкой
когтями задних лап упритесь во что-нибудь твёрдое

во что-нибудь надёжное думайте о сияющем вдалеке
свете о бесконечной жизни о новых колониях

в конце концов запустите пальцы в мою волну
в мои мерцанья мои переливы я не навсегда с вами
день подходит к концу я бледнею я ухожу от вас
в неудобья и пустоши неудобья и пустоши неудобья

кто весь вечер пел ничего не должен
перед сном выглядывает наружу
золотой фонарь качается в небе
под ногой брусчатка и невесомость

кто лесничий тел и чиновник позже
талисман оправдывая не дышит
той золой она отчаявшись нежность
под ногой гвоздя каину бессониц

кто освенчим тем не стихи а рожки
перестань дотла довоенный скрежет
зорко токовал а часто нелепо
под ногой где чай там и бедный сахар

кто весь нетерпенье и через площадь
о лесном отряде и богу душу
солью той по нам на площадке лета
под ногой спасибо и до свиданья

как бывает в воздушно-капельном сне под утро
сопряжённом с медленным падением глазных яблок
от перетёршихся нервных жгутиков в неизвестность
в почву пространства перепаханную небесными червяками
ткнёшь пальцем в небо и на нем образуется точка
от которой во все стороны разлетаются брызги смыслов
эталонные звуки крошечные сэмплы текста
кувыркающиеся в воздухе иероглифы разночтений
а проснешься когда глаза вернутся на место
что у тебя в руках за протокол несогласья?
в каком беспросветном бреде он тобой подписан?
кто остальные трое подписавшие рядом?
кто построил вокруг стены перископной рубки?
на какой глубине зависла твоя подлодка?
дизельная не сомневаюсь но с секретным оружием
проект скат североморские верфи
каждый день как последний каждый вечер как тычок в спину
каждое утро как новая жизнь непонятно за что

и непонятно кем данная тебе придурку

покупателям нашего тура
поглотителям бонусных миль –
чёрно-белые лики дарфура
ароматного йемена пыль
добродушные тутси и хуту
в серенгети расстрел наугад
и жираф приготовленный круто
на костре возле озера чад

расскажи мне про всё что увидишь
не дождавшись последнего дня
если ты не меня ненавидишь
значит время пришло – и меня
свет вечерен владение частно
у ворот где фигура с мечом
кто-то спросит «бывал ли ты счастлив?»
нет пожалуй
бывал развлечён

устаревшую от рождения воду пою
воду вышедшую из сна в путь по ржавым колосникам по ключу на шнурке и по
гальке

по отдельным тельцам кровавым опасаясь фрагментов крупнее
слышишь шепчет боится
кто избегнет ночного звонка ожидания удара тупого
поворота нежданного тут где завязаны в узел все реки
и ручьи у них учатся с детства
и в ваннах не срывает краны и водой не смывает
черепичные крыши с домов по чешуйке

след запутай закрой это русло набрось что-нибудь неприлично
забросай его хвоей заставами глиной таможней
что таишься и зыркаешь знаем привык отражаться в воде
развели тут нарциссов на голову нашу гвоздика хороший и скромный цветок
лишь бы белой была а вода для полива – стоячей

состоим из чего? – эй заткнись что несёшь нас услышат
нас закроют и так отовсюду мы слышим журчанье
невозбранного племени непреступимую влагу
на границе травы где растрескались глины сухие
где подходит уже подползает я слышу ну что же плевать пусть уволят
пусть приходят и бьют пусть зудят пусть стреляют нас много
пусть ничем не заменят пусть падают ниц пусть течёт